

ЗНАМЕНИЕ

Я видел дерево в огне,
И трёх китов на берегу
Белели кости.
Мы плыли в море чёрных рук,
А солнце жглось, как спелый лук,
Тугой от злости.
Я жаждал, жаловал и жал,
Всем досаждал, всё насаждал,
Срывая маски.
Под тучей, выжатой в дуршлаг,
Я кутался в «горящий» флаг,
Сверкая каской.
Но наш корабль сел на мель,
Испачкав дымом акварель
Небесных замков.
Поднялся бунт, за ним второй.
Я попрощался с головой
И кучей штампов.
Разграблен склад, рванул снаряд –
Картечью косит всех подряд!
Вставать опасно.
Я вспомнил, в дымной пелене,
Что видел дерево в огне...
Змееобразном.

САД

Мой изуродованный сад
Рождает странные цветы.
Всегда в нём сломана скамейка...
Глядит паук из темноты –
Его жилищем стала лейка.

Сад, изуродованный мной,
Цветёт зимой и пахнет злом,
Над головой моей нависшим;
В нём я лицом к лицу с врагом,
Чинить скамейку запретившим.

ФАТУМ

Чаша имеет дно,
Ноша имеет вес.
Время съедает жар
Брошенных в печь словес.

Знаем, наверняка,
Что ожидает всех –
Поле из сорняка,
Бой, перепутье, грех.

Хочешь всю жизнь любить?
Выплатишь дань ребром.
Хочешь всю боль забыть?
Не сожалея потом.

Вместо мечты – дрова.
Новых попыток нет.
Вместо венков – трава,
Вместо лица – портрет.

ХУДОЖНИК СЛОВА

Покуда дышит человек,
Покуда вальс кружит планета,
Хвалой горячею вовек
Мы будем чествовать поэта!

Но что ведёт его? Тоска?
Поэтов делает Хранитель?
Или с железом у виска
Он сам себе творец-губитель?

Любовь? Отчизна? Нищета?
Замыленные рифмой взгляды?
Или бездарная толпа
Любителей чужой награды?

Поэта делают слова?
Фортуны милостивой случай?

Поступки? Сердце? Голова?
Репрессии мороз колючий?

Поэтов делают года,
И музы частые визиты?
Или большие города,
Застольями с литой элитой?

Ни громогласие, ни статья,
Ни нарушение запретов,
Ни полная стихов тетрадь –
Поэта делает не это...

Поэта делает талант,
Кричит внутри него свобода.
Поэт – гранённый диамант;
Он – зеркало души народа!

БЫТЬ МАТЕРЬЮ

Быть ропотной над пригорелой кашкой,
Быть всемогущей в маленьких глазах.
Быть каждой пуговкой в петлях рубашки,
Быть теплотою в любящих губах.

Распутывать клубок девятисотый,
Делить минуты, множить маету,
Быть голосом, терпением, заботой,
Во всё вокруг вселяя доброту.

Обиды горечь разбавляя лаской,
Быть неприступной для капризных слёз.
Лучисто улыбаться над коляской;
Встать маяком на каменный утёс.

Быть зонтиком в осенний день дождливый,
Панамкой стать в воскресный солнцепёк.
Быть матерью сердечно терпеливой,
Спасая твой некусанный бочок.

В ПАМЯТЬ О МИРЕ

Те из нас, кто вернулся домой
Перекачивать пулю в башке,
Совершили прыжок затяжной
И живут до сих пор в прыжке.

Благо наш позывной не забыт,
Благо есть, кого помнить и ждать.
Моросящее эхо стрельбы
Оседает с годами в тетрадь.

Руки помнят осанку цевья,
А звезда на ремне – прежний блеск.
У солдата большая семья –
Много братьев, сестёр и невест.

Благо нету над ними стрельбы,
Благо есть, кого к сердцу прижать.
Бередящее эхо войны –
Наша вечно заплечная кладь.

Те из вас, что остались в бою
Перекапывать землю огнём,
Проложили свою колею
Через плен, небосвод, чернозём.

Благо подвиг былой не забыт,
Благо есть, кому помнить и знать.
Моросящее эхо стрельбы
Поминает ушедшую рать.

Я ОСОЗНАЛ СЕБЯ ЖИВОТНЫМ

Я осознал себя животным,
Кусая шею нелюбимой.
Я осознал себя животным,
Затравливая тех, кто слаб.
Я осознал себя животным
В порыве ярости звериной.
Я осознал себя животным,
Увидев отпечатки лап.

Я осознал себя животным,
Спасая шкуру от плетей.
Я осознал себя животным,
Зубря команды наизусть.
Я осознал себя животным,
Бросая собственных детей.
Но, осознав себя животным,
Пообещал, что изменюсь.

КОГТИСТЫЙ ВЕК

Деревья – зонтики укропа,
Пристанища чумных ворон.
Безвкусные плоды хип-хопа
Терзают воплями район.

Зима просверливает панцирь,
Врезаясь в сердце пустотой,
В котором мышца ходит в танце,
На раз разученном с тобой.

Снуют под шапкой закавычки,
И бесы колют в хлипкий нерв;
Выносят «правду» за кавычки,
До дыр смятением изъев.

А ты с упорством белой глыбы
Дрейфуешь в гуще чёрных вод.
Твой капитан, терпя ушибы,
К штурвалу пьяным телом льнёт.

Когтистый век в железной башне
Рождает новую войну,
А легион войны вчерашней
Мучительно идёт ко дну.

ПОД ЛИСТВЕННИЦЕЙ

М.Е. Кильчичакову

Вдали от городов больших,
Среди холмов и леса,

Златых усов полей ржаных
Есть памятное место.

Оно, сокрытое от глаз,
Подобно первоцвету,
Ветвями крепкими не раз
Приют дало поэту.

Казалось, будто под корой
Царило вдохновение.
И даже воздух был другой
Под лиственничной сенью.

Слепой туман, ветра и зной
Не трогали ветвей,
Как будто бы шаман степной
Заснул в узле корней.

И в этой благодатной тиши
На свет рождалось слово
Из человеческой души,
Из лиственного крова.

Оно летело на крылах,
Играя содержанием.
Цвело в читательских сердцах
Природным дарованием.

И музыкой заветных рун
Звучало в переводе.
Неслось, как тысячный табун,
Вещая о народе.

Уже минуло много зим,
Но слово не забылось.
Мы с гордостью его храним,
Чтоб память сохранилась.

Под лиственницей проседи...
Она грустит о птицах,
А дымный сахар осени
Горит в её ресницах.

ПЬЕДЕСТАЛ

Опустевшие окна роддома...
Зачинания низкого качества...
То фатальной усталости кома;
Торжество пустотелого ячества!

Загnezдилась внутри предателей
Гниль бесплодных голов клубьями.
А незримые корчеватели
Цветность слова терзают зубьями.

Мелют лже-творцы воду стылую,
Ждут восхода кормов подножных,
Разрастаясь толпою бескрылою
Беснолепных и боголожных,

Что шуршат перед мордою фантиком,
Расплескавшись душевною гущей,
Вслед плюют бессмертным романтикам,
Лебедой прорастая мрущей.

Вторят им ещё более тёмные,
До железного хлеба охочие,
Что роняли слова неподъёмные,
Что искусству гибель пророчили.

Слог металлом струит из горнила уст:
«Пока кома сковала нам плечи,
Пьедестал поэтический пуст!
Все попытчики только предтечи...»

Но в потёмках лесов изувеченных
Вызревают шиповника капли.
И как выйдет срок, словно меченых,
Разнесут их по родине цапли!

ФАРФОРОВЫЙ ДЫМ

Яд превратился в мёд.
Соты сплелись в сеть.
Вирус любви ждёт,

Тело рабыни – плоть.
В горле комком ком.
Пепел попал в глаз.
Я мотыльком в дом.
Ты серебром в джаз.
Винная кисть в руках.
Карты рубашкой вниз.
Сферы горят в углах.
Фарфоровый дым сиз.

ПЕСНЬ КАМНЯ

Поэма

Часть первая, в которой мы знакомимся с большой и дружной семьёй, проживающей близ священной горы Тасхыл. Дни привычно и неторопливо сменяют друг друга, дети познают подсолнечный мир на его бескрайних просторах, а счастливая мать Хуртуях благодарит богов за размеренное течение жизни, за богатый урожай и крепкое здоровье детей.

I

У подножия синих гор,
На зелёных ладонях степных,
Жили с самых заветных пор
Предки первых людей кочевых:

Сартахпай – богатырь умелый,
Хуртуях – мать счастливых детей,
Что сказания звонко пела
Для сынов, для своих дочерей.

Было много детей у пары,
Каждый делом семье помогал:
Кто на выкорм гонял отары,
Кто остистый ячмень выбивал,

Кто стругал и ошкуривал жерди,
Кто с заботой кормил очаг.
Не боялись дети усердий,
Был устойчивым первый их шаг.

Сартахпай перебрасывал горы,
Оживляя землю ручьями.
Нет для дела лучшей опоры,
Чем быть гордым родными краями.

Мать вплетала звёзды в узоры,
Украшая рубахи и платья.
Воспевали сёстры просторы,
Изучали охоту братья.

Чтили предков и духов земных,
Грустной песней платили за горе;
И речей не слышали злых,
И не ведали жизни в ссоре.

Старший всюду глядел за малым,
Поступал, как велел отец.
Так и жили дружным аалом.
Крепли, словно степной жеребец.

А когда жёлтый лист слетал,
Праздник радовал всю семью.
Богатырский чатхан звучал,
Дети бегали по жнивью.

Жизнь пускалась в осенний пляс,
Хороводы листвы вздымая.
Ручейков перезвон, кружась,
Убегал, тишину лаская.

И, казалось, всё будет так:
Сберегут от напасти горы,
Не угаснет родной очаг,
Не уйдут из-под ног опоры.

Часть вторая, в которой Хуртуях снится пророческий сон, предупреждающий её о страшной опасности. Часть, в которой мать лицом к лицу столкнётся с неотвратимой судьбой и проявлением, как людской, так и божественной воли.

II

Первый снег наследил в полях;
Солнце пряталось от людей.

Страшный сон пришёл к Хуртуях
О трагедии будущих дней:

Чужеземцы настигли всех,
И не дрогнула их рука.
Чешуёю сверкал доспех
Человека с головою быка.

По мосту, что поднял Сартахпай,
Душегубы пришли с войной –
Их давно манил этот край,
И семья приняла смертный бой.

Так, до следующего утра,
Хуртуях потеряла покой.
Всё страшила её гряда
За серебряною рекой.

Богатырь уходил в дозор,
Но безлюдна была земля.
Тихой ночью в звёздный узор
Заползла ледяная змея.

Скот пугался своих теней,
Детский плач полон стал тревог.
Закоптило пламя свечей,
Будто дух пересёк порог.

За горою раздался гром,
И земля, как струна, затряслась.
Мать склонилась над малышом,
Колыбельную петь принялась:

«Ветры гонят злое лихо,
Чёрной птицей, клювом острым.
Спи, сыночек. Тихо, тихо...
Быть тебе защитой сёстрам.

Наших предков будь достойным,
Почитай Тасхыл священный.
Будь добра и мира воином
Под призором у Вселенной.

Помни все мои заветы,
Помни дом свой, помни имя.
Здесь душа твоя согрета,
Связь с землёю нерушима!»

Стало ясно – они пришли,
Принял бой богатырь родной.
Сердце будто углём прижгли
И солёной умыли слезой.

Хуртуях подняла детей,
Чтобы быть готовой бежать.
Звон ломающихся мечей
Торопил синеокую мать.

Старший сын, оседлав коня,
Поспешил выручать отца.
Заблестела его броня;
Ветер нёс по степи бойца.

Сартахпай обнажил свой меч,
Отражая ударов град.
Обещал он семью сберечь,
Не ступив ни шагу назад.

Старший сын вонзился копьём
В иноземцев, ломая строй.
С Сартахпаем они вдвоём
Дали недругам честный бой.

Но когда самый грозный враг
Разрубил копьё топором,
Они поняли, что никак
Не пробиться им напролом.

Сын давал отпор чужакам,
Пока мост разбирал отец,
Но теснили его к холмам;
Близок был его сил конец.

Сартахпай не мог рисковать
И срубил опоры мечом.

Сыну он велел отступать,
Обещая помочь с прыжком.

Старший сын повернул коня
И помчал напрямиком к реке.
Богатырь ухватил края
И зажал пространство в руке.

Прыгнул конь через гриву вод,
Но зазубренная стрела,
Пролетев по кривой, в обход,
Сына выбила из седла.

Сартахпай разомкнул кулак,
Но стрелу не успел поймать.
С головою быка чужак
Сына смог у него отнять.

Хуртуях замерла в пути –
Сердце чувствует боль детей...
Но, уняв камнепад в груди,
Зашагала она быстрее.

Выиграл время её супруг,
Помешав иноземцам пройти,
Но в бою потерял свой лук
И коня не сумел спасти.

Вместе двинулись второпях,
Не жалея ни сил, ни ног.
А вторженцы на лошадях
Вслед ушедшим трубили в рог.

Дети выдохлись и ослабли –
Каждый нёс сестру или брата.
Вскоре вовсе они озябли
Под лучами сырого заката.

А услышав, как топоры
Принялись деревья терзать,
Сартахпай у красной скалы
Приготовился зло сдержать.

Хуртуях обратилась к Богам.
Боги приняли кровный дар
И, согласно её мольбам,
Обратили детей в янтарь.

Сорок капель живой смолы,
Плача, мать прижала к груди.
Полетела быстрее стрелы,
Оставляя дом позади.

Степи прятали её след,
Небосвод над врагом темнел.
Вдалеке, уводя от бед,
Алтын-кель маяком рябел.

Снова дрожью пошла земля,
В небо бросив розовых птиц.
Мать бежала через поля,
Но споткнулась и пала ниц.

Где-то волки, сбившись кольцом,
Затянули протяжный вой.
Налилось её сердце свинцом –
Видно, смертью закончился бой...

Хуртуях попыталась найти
Ожерелье янтарных бус,
Но порвалась нить по пути!
Лёг на плечи тяжёлый груз.

Обернулась она на восток,
Онемев от потерь своих,
И, не чувствуя рук и ног,
Замерла, поминая родных.

Каменел её скорбный лик,
Снег белел в черноте волос.
Одинокий надрывный крик
По степи ураган разнёс:

«Земля моя, хранимая богами,
Не дай забвенью покорить себя

И сохрани под чистыми снегами
Следы детей, что помнили тебя.

Не дай вторженцам, что пришли с мечами
Сгубить потомство и пожечь поля;
Встань против них ветвистыми корнями,
Встань против них, Тадарская земля!

Уже не блещет солнце над горами,
И кровоточат болью облака.
Пусть всё то зло, свершённое над нами,
Пройдёт по памяти, через века.

Да не умолкнут голоса родные,
Да не померкнет в летописи лик,
Да не исчезнут знаки родовые;
Ведь жив народ, покуда жив язык!

Священны горы и тайга священна,
Чисты потоки ручейков и рек.
А ваши души, дети, драгоценны,
И солнца свет – ваш главный оберег.

Вы крепко стойте на ногах, как предки.
Не позволяйте грабить край родной!
Не верьте звону золотой монетки,
Подброшенною вражеской рукой.

Цените счастье, детские улыбки,
Не забывайте дома своего.
Не бойтесь, дети, совершать ошибки,
Но бойтесь не учиться из того.

Не растеряйтесь, дети дорогие,
Среди не гаснущих людских костров.
Степные ночи, звёздно-смоляные,
Всегда вас ждут с далёких берегов.

Земля моя, хранимая богами,
Не дай забвенью покорить себя
И сохрани под чистыми снегами
Следы детей, что помнили тебя.

Не дай вторженцам, что пришли с мечами
Сгубить потомство и пожечь поля;
Встань против них ветвистыми корнями,
Встань против них, Тадарская земля!»

Её песня терзала высь.
Голос матери был певуч,
А как связки надорвались,
Дождь пролился из серых туч.

И тогда мудрый Хайрахан
Посмурнел от злосчастных бед,
Но, подумав, другим Богам
Дал на это такой ответ:

«Чтоб унять страданий пламень
И дарить надежду людям,
Превратится она в камень
С зарождённым внутри чудом».

Часть третья, в которой несчастная Хуртуях, несмотря на тяжёлую участь, становится покровительницей матерей и прародительницей тюркоязычных народов. Воля богов исполнена, а каменная мать взирает на родные земли сквозь вехи тысячелетий.

III

Поля закутались в саван
До месяца ложной кукушки.
Весеннее солнце травам
Пригрело, любя, макушки.

Затянул пушистый ковыль
Вереницу степных голов,
А цветов сиреневых пыль
Полыхнула на скулах холмов.

Разомлев, прикрылись листвою
Берёзки у шумной реки.
Медвяной умылись росой
Горящие в поле жарки.

Там, где падал янтарь из бус,
Зарождался новый народ,
И курился степной улус
Синевою Енисейских вод.

Красота этих диких мест
Стала радовать тысячи глаз,
А село превратилось в уезд,
И настало единство рас.

Степь – свидетельница всего;
Она помнит океана вес,
Помнит каждую жизнь того,
Кто ходил под лазурью небес,

Кто подсолнечный мир узрел,
Кто любил и терял родных;
Как хайджи сказания пел,
Как война забирала живых...

Суховею языком шершавым
Пишет летопись на камнях.
Горицвет с репеем поджарым
Молят небо о чистых дождях,

А когда-то счастливая мать
Всё поёт свою песню нам.
Научилась она помогать
Всем нуждающимся матерям.

И легенда, из уст в уста,
От народа к народу шла;
Оставаясь нутром чиста,
Вопреки холодам цвела.

Все, кто жаждал иметь детей,
Получили надежды свет
Из-за гор, городов, морей,
Из рассказов, звонков, газет.

Хуртуях на родной земле
Обрела вековой почёт,

Помогая каждой семье,
Что за помощью к ней придёт.

Спустя тысячи долгих лет
Её дар сохранил народ;
Хуртуях, избавляя от бед,
Продолжает сибирский род.

Греет корни жизнь до сих пор
Под присмотром вершин ледяных,
У подножия синих гор –
На зелёных ладонях степных.